

История длиною в жизнь

Петру Васильевичу Прозорову – девятый десяток лет, но выглядит он намного моложе. Энергичный, жизнерадостный. Обладает отличной памятью и еще полон сил. Считает, что Бог дал ему отменное здоровье. По-прежнему рад каждому новому дню, а прошлое вспоминает и с радостью, и с грустью. Потому что было и хорошее, и плохое.

Петр Васильевич Прозоров – участник Великой Отечественной войны.

В МОЕЙ СУДЬБЕ – ВОЙНА

Ему едва исполнилось семнадцать, когда в 1943 году призвали в ряды Вооруженных Сил. Призывался из Старобардинского района (сейчас Красногорский) Алтайского края. Эшелон был сформирован в г. Бийске, затем новобранцев направили в Красноярск, в Забайкальский военный округ.

Впервые он оказался так далеко от дома. Нигде, кроме своего поселка, не был до сей поры. Жизнь его (как, впрочем, и его сверстников) протекала спокойно. Работал в молочном совхозе. Сено с полей на лошади возил. Не предполагал, что совсем скоро будет легко управляться с пушкой, так как был распределен в 103 стрелковую дивизию, 688 стрелковый полк, третий батальон, взвод 45-метровых (противотанковых) пушек.

Сегодня даже трудно представить, что невысокий щупленький паренек был наводчиком. Вот что рассказывает он о своей военной юности: "Полк наш размещался на 77 разъезде. Жили в казармах, если так можно назвать землянки. Клопы, холод, маленькие окошечки, через которые еле проникал свет. Тяжелее всего было выносить голод. Кормили очень скудно. Гнилая селедка, мороженая картошка. Черный, вязкий, как глина, хлеб. Зажмешь его в руке, а он просачивается сквозь пальцы. Подъемы по военной тревоге круглые сутки. Особенно тяжело было рослым парням, разве такое питание им требовалось? Я как-то легче переносил голод. Выхлебаю болтанку (ложка гороховой муки, размешанная в кипятке) и вроде нормально. А многие не выдерживали и умирали. Очень страшно было наблюдать такую голодную смерть. Затем

комиссия из Москвы приехала, провела расследование. В результате весь офицерский состав сменили. Кормить стали лучше, даже по 150 граммов отварного сала стали давать.

В 44-ом наша и 207 дивизии форсировали речку Аргунь и направились на взятие г. Хайлар. Когда стали к нему подходить, попали под авиационную бомбежку. Японцы поняли, что сила русских превосходит, и стали уходить.

Хорошо запомнился такой случай. За двое суток до боев на Большом Хингане остановились на обед. Там речка протекала, как наша Бурла, а вокруг скалы. Видим, идет японец-офицер, держит белую тряпку, чтобы не стреляли. Оказывается, он пришел предупредить, что в определенное время в определенном месте нас встретят горновьючные минометные батальоны. Но почему-то наши командиры не взяли эти слова во внимание, хотя предсказания японца сбылись, нас начали бомбить из крупнокалиберных пулеметов. Многих наших ранило, но много и японцев было убито.

Тянули мы свои пушки на лошадях, передвигаясь дальше, все чаще видели наши подбитые танки, в одном месте даже кресты стояли, свидетельствующие о захоронении. Поднялись на бугор, а там летняя полевая кухня японцев, даже каша еще горячая в котлах. Все при бомбежке побросали японцы.

Затем нас погрузили на состав, пять суток мы на нем следовали. Последняя остановка – г. Цицикар, это уже недалеко от Владивостока. Там и капитулировали японцы.

Пехотинцы были направлены сопровождать в Россию пленных, а мы, артиллерийские части, погрузили всю технику – минометы, крупнокалиберные пушки – и сопровождали это в Советский Союз до грузовой станции Чита-2. Сдали технику в артиллерийские склады.

Затем в течение полугода я учился в учебном центре в Читинской области на командира миномета. После обучения меня распределили в 856 минометный полк. Произошло омоложение армии и нам пришлось дожидаться своей замены. Пришлось мне служить целых семь лет. Демобилизовался лишь в 1950 году.

И В МИРНОЙ ЖИЗНИ РУКИ НЕ ДЛЯ СКУКИ

Вернулся в свой родной поселок Дружный. Образование – всего пять классов, поэтому выбора по поводу работы никакого. Опять пошел работать в совхоз, сначала – скотником, затем – завхозом животноводческого отделения назначили. Ответственность большая – три скотных двора на мне, доставка зерна, ремонт помещений. Пять лет проработал в совхозе, а затем захотелось что-то иное попробовать, уехал к двоюродному брату в Иркутск. К тому времени уже семейный был, дочь с женой воспитывали. Честно сказать, за длинными рублями поехал, заработки там на лесоперевалочной базе неплохие были в те времена. Выгружали лес из воды, сплавляли его и отправляли в цеха на переработку. Сначала был рабочим, затем – бригадиром. Построил хороший дом, только сильнейшее наводнение случилось и пришлось многое восстанавливать. Затем опять наводнение... Так и переехал опять на Алтай. С 1964 по 1967 работал в Горноалтайском комбинате бытового обслуживания.

У жены начались проблемы со здоровьем, врачи посоветовали на равнинную местность переехать. Выбор на Панкрушихинский район пал не случайно: здесь жил ее дядя. Поехала она познакомиться со здешними местами, по возвращении вынесла вердикт: "Природа красивая – колки, лес, люди живут неплохо, переезжаем". В апреле 1967 года начали обживать на новом месте, сначала жили у родственников, затем получили квартиру в шестнадцатиквартирном доме. Получили в недостроенном виде, так что вместе с другими семьями красили, белили, варили еду на кирпичках. И были счастливы!

Первое время работал шофером в совхозе, затем пригласили водителем в райисполком. Там и проработал до 1986 года. После ухода на пенсию еще пять лет работал сторожем в райисполкоме и центральной аптеке.

Второго февраля было четыре года, как не стало жены, верной моей спутницы. Живу один. Дочь живет в Береговом, помогает порядок в доме наводить, навещает. А соскучусь, так сам завожу машину и еду к ним в гости. Сын живет в Барнауле, тоже приезжает. Так что не чувствую одиночества, согрет любовью и заботой близких. Вот такая история длиною в жизнь".

На жизненном пути Петру Васильевичу встречалось много хороших людей. О них он вспоминает с благодарностью и всем желает счастья и мирного неба над головой.

Ольга ДЫМНОВА.

"ТХ" 14 февраля 2015 г.